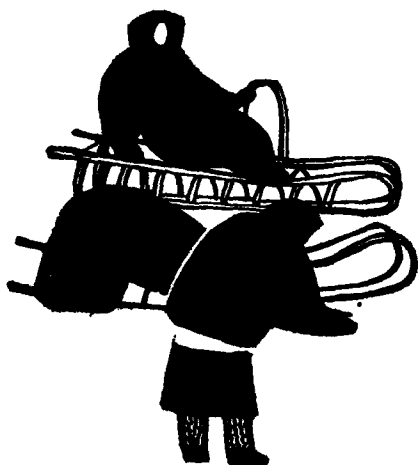

ЮРИЙ РЫТХЭУ

**МАГИЧЕСКИЕ
ЧИСЛА**

МАГИЧЕСКИЕ ЧИСЛА

ББК 84.Р7
Р 95

Художник Эвелина Васильева

Р $\frac{4702010200-246}{083(02)-86}$ 131-86

© Издательство
«Советский писатель», 1986 г.

ЮРИЙ РЫТХЭУ
МАГИЧЕСКИЕ
ЧИСЛА

РОМАН
И
ПОВЕСТИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1986

ПРОЛОГ

В столице Датского королевства, на одной из ее живописных окраин, есть Дом гренландца. Это и гостиница, и общежитие, и дешевая столовая, в которой приехавшие с далекого ледяного острова могут за ничтожную плату получить прекрасную лососину, сваренное по-эскимосски мясо тюленя и встретиться с земляками, по тем или иным делам попавшими в Данию.

В один из своих приездов в Копенгаген и я поспешил в этот гостеприимный дом — здесь была назначена моя лекция с показом цветных слайдов, снятых в советском селении Ново-Чаплино.

В перерыве лекции хозяева вытащили бубны и запели древние арктические песни, и в моей памяти воскресли студеные родные берега, посвист ветра в прибрежных торосах, на вершинах ледяных гор и в долинах рек, катящих свои воды по нетающему ледяному ложу.

Людей Севера удивительно тянет друг к другу, и, встречаясь, они ведут себя как близкие люди, как братья, которые давно не виделись.

Я уже собирался уходить, как вдруг ко мне подошла молодая женщина с чертами лица, свойственными человеку, рожденному в окрестностях Полярного круга. На ее шее на тонкой золотой цепочке висел талисман — женская головка, вырезанная из моржового бивня.

— Извините меня, — смущенно произнесла она. — Я бы хотела преподнести вам небольшой подарок. — И протянула мне вырезанный из такого же бивня эскимосский охотничий каяк с сидящей в ней небольшой фигуркой. — В память о моем деде, о родине моих предков, — сказала женщина и добавила. — Моя мать родилась на Чукотке и маленькой девочкой была привезена Руалом Амундсеном сначала в Норвегию, а потом сюда, в Копенгаген, в католическую миссию...

— Дочь Кагота! — вспомнил я.

— Да, моя мать была дочерью Кагота, — подтвердила мою догадку женщина. — Ее европейское имя Мэри, а на родине ее звали Айнаной... Она умерла давно... А это осталось в нашей семье как память. Мать говорила, что эта фигурка изображает моего деда...

Я вгляделся в скульптуру. Лицо охотника было вырезано очень тщательно и явно походило на портрет реального человека, жителя Чукотского полуострова.

Удивительно, как иногда тесно переплетаются судьбы людей, на первый взгляд далеких и не похожих друг на друга! Ну кто мог предположить, что знаменитый полярный путешественник, покоритель Южного полюса и Северо-Западного прохода¹, первым пролетевший над Северным полюсом, великий норвежец Руал Амундсен и чукотский шаман встретятся на ледяных просторах и какое-то время их жизни будут идти рядом!

Кагот... Я слышал о нем много и думаю, что сейчас время рассказать о нем, о встрече его с Амундсеном, о том великом и сложном времени начала века, когда над кромкой Ледовитого океана уже загорались сполохи великой революции.

1

Амундсен стоял на палубе и прислушивался к работе машины: «Мод» медленно, словно бы ощупью пробиралась вперед, с громким шелестом разламывая носом молодой, припорошенный свежевывпавшим снегом лед.

Поначалу берег поразил пустынным, негостеприимным видом. Перспектива новой зимовки в безлюдном и безжизненном месте навевала уныние. Однако рассмотренные в бинокль три холмика, показавшиеся было простым нагромождением камней, оказались ярангами — жилищами прибрежных чукчей. О том, что они обитаемы, свидетельствовали столбики дыма над островерхими крышами.

Из низко опустившихся туч сыпался тяжелый мокрый снег, постепенно закрывая плотным занавесом панораму берега. Грех жаловаться: на 24 сентября 1919 года ледовая обстановка здесь была вполне сносной. Быть может,

---

¹ Северо-Западный проход — проход из Атлантического океана в Тихий, к Берингову проливу вокруг берегов Северной Америки.

причина этому — сильное восточное течение, которое время от времени отрывало от берега большие поля новообразовавшегося льда и уносило их в открытое море.

Быстро темнело. Электрический фонарь, горящий на мачте, высвечивал лишь густую пелену летящего снега. Амундсен приказал застопорить машину и бросить якорь: в крошечной тьме не было смысла бороться со льдами.

Прежде чем войти в каюту, начальник Норвежской полярной экспедиции долго стряхивал с одежды налипший мокрый снег, стараясь пока не думать о предстоящей зимовке. И все же, как ни гони от себя эту мысль, другого выхода не было: надвигалась вторая зима у берегов России, страны загадок и непонятных событий, сведения о которых отрывочно доходили до «Мод».

Позади остался долгий путь от родной Христиании¹, вокруг Скандинавии и дальше, через проливы, отделяющие острова Ледовитого океана от материка, к берегам самого северного полуострова Азии — Таймыра. Первая зимовка «Мод» прошла недалеко от села Хабарово, прошла в надежде следующим летом продвинуться вперед, к Берингову проливу, и тем самым сомкнуть кольцо кругосветного полярного путешествия, которого пока еще никому в мире не довелось совершить...

Казалось бы, довольно славы и почестей для одного человека: покорение Северо-Западного прохода и Южного полюса. Но Северный полюс... В мире еще не было человека, которому удалось ступить на оба полюса планеты. Но, главное, оставался неосуществленным дерзкий план, разработанный другим великим норвежцем — Фритьофом Нансеном: вмерзнуть в лед севернее Берингова пролива и продрейфовать с ним до полюса. Именно для этого был построен новый экспедиционный корабль «Мод», повторивший в своей конструкции многие черты знаменитого «Фрама»...²

Отряхнув остатки снега, Амундсен вошел в кают-компанию, по корабельным меркам довольно большое помещение. В ней было тепло и уютно. На стене висели фотографии, перекочевавшие сюда с «Фрама». Здесь же были подарки королевской четы экспедиции девятьсот десятого года и среди них — серебряный кубок, стоящий

---

¹ Христиания — старое название Осло.

² «Фрам» — корабль, на котором Фритьоф Нансен дрейфовал в Ледовитом океане, а Амундсен в 1910—1912 годах плывал в Антарктиду.

на красивом шкафчике. У светового люка в машинное отделение красовалась великолепная виолончель, которая по установленному порядку играла всего раз в неделю, по субботам, чтобы впечатление от нее не утратило новизны и привлекательности: ведь ничто так быстро не приедается, как бесконечное повторение какого-нибудь удовольствия. Пол кают-компаний был покрыт линолеумом, а поверх него устлан кокосовыми циновками.

Здесь, вот в этой кают-компании, за этим большим столом под висячей лампой состоялся последний разговор с уехавшими с корабля Тессемом и Кнутсеном¹. Это произошло почти год назад, 4 сентября восемнадцатого года, и до сей поры от них нет никаких известий. Что с ними? Удалось ли им добраться до цивилизованного мира, или они все еще кочуют по необъятным просторам Северной России, охваченной революцией и гражданской войной?

Быстро проглотив легкий ужин, начальник экспедиции отправился в свою каюту и, едва коснувшись головой подушки, провалился в глубокий, без сновидений сон...

Утро было чуть яснее вчерашнего. Во всяком случае, изрядно надоевший снегопад прекратился, и порой из-за разорванных облаков, бешено мчащихся по небу (хотя у поверхности земли ветер был довольно слабый), выглядывало зимнее, уже не греющее солнце. «Мод» стояла почти вплотную к береговому припаю, и на возвышенном берегу теперь отчетливо виднелись три яранги, а возле них — несколько человеческих фигур. Очевидно, появление незнакомого корабля привлекло внимание обитателей крохотного селения, но пока никто из них не направлялся на «Мод»: то ли опасались незнакомцев, то ли лед был еще слаб для передвижений по нему.

— Похоже, они не собираются к нам в гости, — сказал Амундсен. — В таком случае вежливость требует, чтобы мы нанесли визит первыми.

Бросили трап и стали потихоньку спускаться на лед. Первым шел Геннадий Олонкин, русский член экспедиции, присоединившийся к ней на Новой Земле, за ним Хансен, последним осторожно ступал Руал Амундсен. Лед угрожающе потрескивал под ногами; на белом снегу, припорошившем замерзшую поверхность моря, про-

---

¹ Тессем и Кнутсен — члены экспедиции Амундсена, отправившиеся во время первой зимовки «Мод» на поиски ближайшего поселения; погибли в таймырской тундре.

ступали трещины. Амундсен обернулся на вскрик: под Хансеном проломился лед, и только быстрая реакция — он успел отскочить в сторону — не дала ему провалиться в пучину Ледовитого океана.

— Расходитесь подальше друг от друга! — распорядился Амундсен.

— Глядите, сколько здесь плавника. — Хансен показал на торчащие из-под снега обломки бревен, а иногда и целые деревья с остатками корней и сучьев: вынесенные из необъятной сибирской тайги могучими реками, они проделали огромный путь, пока океанское течение не прибило их сюда.

— С дровами у нас, пожалуй, забот не будет, — заметил Амундсен.

Когда до берега оставалось совсем немного, от яранг отделились два человека и двинулись навстречу.

Довольно рослые для местных, тепло и аккуратно одетые, они приветливо улыбались.

— Еттык! — сказали они почти одновременно.

Когда Амундсен и его спутники протянули им руки для пожатия, туземцы с готовностью сбросили теплые оленьи рукавицы и с видимым удовольствием подержали ладони гостей.

Берег был довольно крут, и к ярангам пришлось карабкаться с осторожностью: можно было соскользнуть обратно на морской лед.

Хозяева повели гостей в ярангу.

Внутри жилище было очень просторным, путникам не доводилось еще видеть такое в этих краях. В диаметре оно достигало почти пятидесяти футов, а его высота в том месте, где в дымовое отверстие заглядывало небо, была, наверное, футов пятнадцать. Все внутри было основательно, прочно и показывало, что здешние жители не кочевники, а постоянные, быть может, даже древнейшие обитатели этой земли.

Внутренность яранги разделялась на несколько помещений. Первой была холодная часть — чоттагин, где принимали гостей и где горел веселый костер, для которого здесь, похоже, не жалели дров. В дальнем углу виднелся спальный полог, сшитый из отборных оленьих шкур. Из него на гостей глазели двое ребятишек и женщина.

Старший из мужчин, видимо хозяин, что-то приказал на своем языке, и перед гостями, устроившимися на ки-

товых позвонках, служащих для сидения, появилось длинное, выдолбленное из цельного куска дерева, неглубокое блюдо-корытце. В него из котла, висящего над костром, женщина выложила вареное оленье мясо.

— Мое имя Амтын, — объявил хозяин, когда гости проглотили по первому куску. — А его зовут Кагот. — Он показал на второго мужчину, молча, сосредоточенно жующего мясо.

Гости сразу догадались, о чем идет речь, и Амундсен в свою очередь ткнул себя пальцем в грудь и сказал:

— Меня зовут Амундсен, а моих товарищей — Хансен и Олонкин...

— Почему вы так поздно приплыли? — произнес мужчина, названный Каготом, и Амундсен от удивления ответил не сразу. Вот уж чего он не ожидал, так это встретить здесь, в ледяной пустыне, человека, который говорил по-английски!

— Извините, — сказал Амундсен и, понимая, что вопрос глупый, на всякий случай осведомился: — Вы говорите по-английски?

— Да, — ответил Кагот. — Правда, не очень хорошо.

— По-моему, неплохо, — похвалил Амундсен. — Где же вы научились языку?

— Я плавал на американской шхуне.

Амундсен всмотрелся в лицо туземца. Теперь он видел, что человек этот довольно молод, но кажется старше из-за темного цвета лица: здешние люди никогда не утрачивают морозного загара, к которому в летнее время добавляется еще и загар от незаходящего солнца. Взгляд у человека был серьезный, пытливый, и Амундсен вдруг почувствовал неловкость оттого, что вместо ответа на заданный вопрос он сам стал спрашивать Кагота.

— Мы совершаем научное путешествие по Северо-Восточному проходу¹. Это большой путь, и начали мы его еще в прошлом году от берегов нашей родины, Норвегии, — заговорил Амундсен, сомневаясь, однако, понимают ли его туземцы.

Но туземцы внимательно слушали то, что вполголоса переводил им Кагот.

Амундсен никак не мог привыкнуть к тому, что обитатель яранги понимает и говорит по-английски, и все

---

¹ Северо-Восточный проход — проход из Атлантического океана в Тихий по морям Северного Ледовитого океана вдоль Евразийского побережья.

время испытывал какую-то неловкость, хотя и понимал, что ничего сверхъестественного тут нет.

— В такое позднее время корабли обычно сюда не приходят, — обратился Кагот к Амундсену.

— Мы хотели достичь этим летом Берингова пролива, да вот не успели, — грустно произнес Амундсен. — Придется нам здесь зазимовать... Скажите, а далеко ли отсюда до других селений?

— Далеко, — ответил Кагот и добавил: — Но скоро мимо нашего селения поедут торговцы. Одни едут с Колымы в Уэлен, другие — в обратную сторону. Движение начнется, как только установится твердый нартовый путь, хорошо укрепится припай и замерзнут устья рек.

Гости с корабля переглянулись.

— Надо разузнать о радиостанции, — сказал Хансен.

— Есть ли здесь поблизости радиостанция? — спросил Амундсен, не будучи уверен, что Кагот его правильно поймет.

Но, обменявшись несколькими словами с Амтыном, тот сказал:

— Радио может быть в Нижне-Колымске, отсюда на запад. Или же в Ново-Мариинске, в устье Анадыря...

Амтын еще что-то сказал, и Кагот добавил:

— Там же есть и церкви, если вам надо наладить общение с вашими богами.

Амундсен улыбнулся и сказал:

— Пока мы в этом не нуждаемся... Нам бы хотелось знать: не будете ли вы и ваши соседи возражать, если мы останемся здесь на зимовку?

— Можете жить, где вам понравится, — ответил через Кагота Амтын. — Выбирайте любое место около берега. Зимой здесь тихо, лед стоит прочно и сильных подвижек не бывает.

Трапеза закончилась чаепитием. Все время, пока продолжался мужской разговор, женщина только подавала еду, а ребяташки с величайшим вниманием следили за поведением неожиданных гостей, ловили каждое их движение. Они не впервые видели морских тангитанов¹, но каждое их посещение было таким запоминающимся событием, о котором потом долго говорили, вспоминая каждую подробность.

— Значит, вы утверждаете, что вскоре мимо вас проследуют путники? — спросил Амундсен, осушив предна-

---

¹ Тангитан — чужеземец.

значенную для почетных гостей большую фарфоровую чашку явно китайского происхождения.

— Это будет совсем скоро, — ответил Кагот.

— А вы получаете известия о том, что происходит в России? — осведомился Олонкин.

Амтын, выслушав вопрос, что-то долго говорил.

— Мы вообще плохо различаем тангитанов. Которые из них российские, а которые американские — нам трудно понять, — произнес наконец Кагот. — Но мы слышали, что Солнечный владыка свергнут.

— А у вас произошли какие-нибудь изменения в связи с этим? — продолжал интересоваться Олонкин.

Кагот твердо сказал:

— В нашей жизни никаких изменений не произошло.

— Разве здесь нет представителей власти? — спросил Амундсен. — Я слышал, что в Уэлене, во всяком случае до моего отплытия из Христиании, находился то ли урядник, то ли исправник. Так мне было сказано в русском посольстве.

— Нам об этом ничего не известно, — ответил Кагот.

Напившись чаю, гости стали собираться в обратный путь.

Амтын с Каготом провожали их до спуска на лед. Здесь они попрощались, и тангитаны осторожно зашагали по тонкому молодому льду к своему кораблю.

2

Вернувшись в ярангу, Амтын возбужденно сказал Каготу:

— Считай, что морские боги послали нам удачу.

Кагот с удивлением посмотрел на него.

— Да, да, это великая удача! — повторил Амтын. — Это даже больше, чем если бы на наш берег выбросило кита! Представить себе невозможно, чтобы возле нашего Еппына зазимовал тангитанский корабль, набитый разными товарами! Эх, жаль, что у меня маловато пушники! И зачем я отдал прошлогодних песцов Кибизову!

— Кто такой Кибизов? — спросил Кагот.

— Есть тут один человек, — ответил Амтын. — Но почему ты не радуешься?

— Не похожи они на торговцев, — задумчиво проговорил Кагот.

— Почему ты так думаешь? Разве бывают тангитаны, которые не торгуют? — с удивлением спросил Ам-

тын. — Даже ихний шаман, русский поп, который лет пять назад проезжал здесь с караваном собачьих упряжек, выторговал у меня за связку листового табака три песцовые шкурки!

Амтын посмотрел на Кагота... Станный все-таки человек. Появился здесь Кагот на исходе зимы на одинокой нарте, запряженной измученными долгой дорогой собаками. Он подъехал к яранге, и встретивший его Амтын не сразу заметил среди вороха старых оленьих шкур ребенка — девочку лет пяти.

Здесь не принято задавать вопросы, кто ты и зачем едешь. Если нужно, человек сам расскажет о себе. Кагот первые несколько дней молчал. Амтын поселил его у своей родственницы Каляны, молодой вдовы, год назад потерявшей мужа. Амтын даже подумал про себя, что это боги решили послать сюда мужчину, чтобы молодая женщина не осталась одинокой.

Через несколько дней, немного отойдя и привыкнув, Кагот отправился на охоту, занявшись исконным мужским делом. Но что касается остального, то, насколько мог судить Амтын из разговоров между своей женой и Каляной, приезжий не проявил интереса к женщине.

Летом Кагот охотился вместе с Амтыном на небольшой кожаной байдаре. Осенью били моржа на галечной косе за узким проливом, соединяющим мелководную лагуну с морем. Там они заложили довольно солидный запас копальхена¹ для собак и для себя — на зимнее пропитание.

Понемногу из скупых рассказов Кагота перед Амтыном раскрылась жизнь этого человека, покинувшего свое далекое селение Инакуль, где жили люди смешанного племени — чукотского и эскимосского. Там и родился Кагот от женщины-эскимоски и мужчины-чукчи, морского охотника.

Детство Кагота прошло быстро и незаметно. Оно осталось только в воспоминаниях о беспечных, самых счастливых днях да в радужных снах и сладкой дремоте.

Маленьким мальчиком он любил играть один, погружаясь в причудливый, созданный собственным воображением мир, где он мог быть человеком, наделенным неограниченным могуществом, — и богатым оленеводом с

---

¹ Копальхен — специально приготовленное мясо моржа.

несметными стадами оленей, и удачливым охотником, загарпунившим огромного гренландского кита, и самым сильным человеком, способным поднять прибрежную скалу на плечи и перенести ее на другое место. Он превращался в легендарного великана Пичвучина, шагал через моря и океаны, и бурные волны ничего не могли ему сделать — разве лишь омочить нижнюю меховую оторочку его камлейки¹. Он мог целый день пребывать в этом своем мире и потом с сожалением возвращался в действительность, в щекочущий ноздри дым яранги, на жесткое ложе из старой, с большой проплешиной оленьей шкуры. В своем уединении Кагот уходил не только в мир грез, но и в пугающий мир безответных вопросов: почему на смену лету так быстро приходит холодная зима? откуда появился на этих берегах человек? что там, за горизонтом? как далеко до тех земель, откуда приходят корабли, нагруженные чудными товарами и таким желанным для взрослых огненным напитком, горящим синим пламенем? может быть, эти люди рождаются и умирают на своих кораблях и плывущее, вечно странствующее по воде судно — это их земля, их родина? Еще в детские годы Кагот понял, что те объяснения окружающего мира и таинственных явлений природы, которые дают старинные предания и легенды, неубедительны и часто противоречат здравому смыслу.

В Инакуле был человек, о котором говорили, что он знает все. Это был еще крепкий, но словно согнутый непосильной ношей старик, молчаливый, хмурый и загадочный. Говорили, что Амос сломал спину; упав с высокой скалы. Пролежав в одиночестве несколько дней, он выжил, хотя его одежда была съедена голодными песцами и следы их укусов навеки остались на его руках.

Амос владел искусством исцеления, был энэныльном, то есть шаманом. Этот человек возбуждал наибольшее любопытство у Кагота.

Выросший Кагот, поборов робость и страх, часто обращался к Амосу с вопросами, пытаясь выяснить причины непонятных природных явлений и неясных желаний, обуревавших его. Шаман, приметивший пытливого юношу, старался отвечать обстоятельно, но, странное дело, ответы его только рождали множество других вопросов.

К этим вопросам присоединился еще интерес к женщине, к тому сокровенному, что притягивает к ней муж-

---

¹ Камлейка — верхняя матерчатая одежда.

чину. Но как раз в это время произошло событие, надолго оторвавшее Кагота от родных берегов. Однажды к Инакулю подошла небольшая шхуна «Белинда», и капитан обратился к молодым ребятам с предложением поплавать на ней до зимы. Желание посмотреть, что там, за горизонтом, было особенно велико у Кагота, и он, несмотря на страх перед неизведанным, согласился. Он взобрался на корабль, провожаемый слезами матери и хмурыми взглядами своих односельчан: никто еще из этого маленького прибрежного селения не отваживался на такое, не покидал родную ярангу.

Три года подряд Кагот нанимался на «Белинду» и каждую осень возвращался в Инакуль с грудой заработанного — среди этого самым ценным был многозарядный винчестер и барометр, с помощью которого можно было предсказывать погоду.

«Белинда» занималась контрабандной торговлей, незаконно скупала пушнину у прибрежных жителей. Однажды она все же попалась русскому патрульному судну. Корабль отбуксировали во Владивосток, а Кагота высадили в его родном Инакуле.

И тогда к нему пришел сам Амос. В первый вечер он ничего не сказал, только с удовольствием выпил свежего чая и выкурил трубку ароматного табака из жестяной коробки с изображением человека в высоком, похожем на ведро, головном уборе.

На второй день он сказал, что Каготу пора жениться, и указал на свою племянницу Вааль. Кагот пошел посмотреть на девушку, которую он помнил еще маленькой девочкой, да так и остался в той семье. У них не было сыновей, и Кагот становился не только мужем Вааль, но и главным мужчиной в яранге.

Однажды Амос призвал его к себе.

Кагот вошел в полутемный чоттагин. В глубине чернела меховая стена спального полога. Пламя небольшого костра освещало морщинистое, как кора старого дерева, лицо шамана, сидящего на китовом позвонке.

— Я призвал тебя, Кагот, чтобы сказать важное, — начал Амос после долгого молчания. Пламя костра отражалось в его глазах. — Я призвал тебя, чтобы объявить: я хочу передать тебе свою шаманскую силу...

— Амос!.. — воскликнул Кагот, но, увидев предостерегающий жест шамана, умолк.

— Слушай! — Казалось, что устами Амоса говорил

другой человек, а может быть, даже другое существо. Это странное ощущение сразу же захватило Кагота и не отпускало потом до самого конца его обучения искусству врачевания, предсказаний и таких важных размышлений, что казалось порой: из них не выберешься в обыденную жизнь.

Бедная Вааль! По ее испуганным глазам Кагот не раз видел, как она потрясена его странным поведением, бессонными ночами, вскриками и непонятными песнопениями на рассвете при мертвенном блеске луны и ликующими воплями под сполохами полярного сияния. Он уходил в замерзающую тундру и возвращался оттуда оборванный, обессиленный от голода, с глубоко запавшими воспаленными глазами, с запекшейся в уголках рта черной кровью, не способный произнести и обыкновенного человеческого слова... Или вдруг он будил ее ночью и, словно раскаленный на жарком костре, овладевал ею, стénая, захлебываясь непонятными слезами и рыданиями.

Кагот порой по-настоящему терял разум, и, когда возвращалось сознание, он боялся взглянуть окрест, чтобы не увидеть себя в призрачном мире, населенном непонятными силами, которые он пытался постичь и которые руководили его поступками.

Порой они камлали вдвоем с Амосом, потрясая ярангу громом бубнов и дикими песнопениями, прерываемыми звериным воем, птичьими голосами, эхом отдаленного камнепада, шумом водного потока, грохотом сталкивающихся льдин. Все эти звуки исходили из темного полога с потушенными жировыми светильниками, где, кроме двух потных, усталых мужчин, на самом деле никого и ничего не было. С удивлением Кагот обнаруживал, что ему нравится это состояние перевоплощения, нравится быть сразу и зверем, и человеком, и солнечным лучом, и холодным ветром, и жарким огнем. Это укрепляло мысли, что ты особенный человек, что впрямь избран величайшими богами и невидимыми силами для того, чтобы общаться с миром, который сокрыт от взоров обыкновенных людей. Те силы находились вне человека и поэтому назывались Внешними. Они действовали через избранных ими же, посылая им через не слышимые простыми людьми голоса свои откровения. Порой Каготу доводилось расслышать такие откровения, какие не улавливал даже многоопытный Амос. Поначалу Каготу казалось, что это ему просто мерещится. Но такое слу-

чалось все чаще, и он вынужден был открыться Амосу и спросить его, что это значит.

— Это значит, что ты стал тем, кем был избран судьбой, — сказал усталым, потухшим голосом Амос. — Вот теперь пришло время, когда мне надо вознестись, уйти навсегда из этого мира.

— Но ты ведь не болеешь и сил у тебя не убавляется, — с сомнением заметил Кагот.

Старик выглядел для своих лет неплохо. Многочасовые изнурительные камлания, казалось, только прибавляли ему сил. Проведя в забытии некоторое время, шаман вставал бодрым и посвежевшим.

— Нет, мое время пришло, — тихо, но твердо сказал Амос. — Ты заменил меня, и я должен уйти. Два великих шамана не могут одновременно жить на земле.

— Но я могу заниматься и другим, — возразил Кагот, — охотиться, как другие наши родичи.

— Ты уже ничего не сможешь сделать с собой, — сказал со вздохом Амос. — Ты избран, и нет у тебя сил противиться судьбе, точно так же я не могу пойти против воли тех, кто зовет меня из этого мира... Но я рад, что среди людей оставляю тебя, я поручаю тебе моих близких и верю, что ты позаботишься о них. И еще: ты умертвишь меня согласно обычаю, а это значит, что моя дорога будет легкой, без лишних страданий.

Последние слова ударили по сердцу Кагота: он предполагал, что Амос умрет естественной смертью. Разве не бывало так, что живет-живет человек, вроде бы все у него хорошо, а приходит утро — и его уже нет, то есть то, что делало его живым в здешнем мире, ушло из него и осталась только телесная оболочка; ее в белом одеянии уносят на возвышение, где и совершают последний обряд прощания...

— Но я... я этого никогда не делал, — тихо молвил Кагот, чувствуя, как его охватывает дрожь, будто каким-то чудом зимняя стужа вошла внутрь его, сжала ледяными тисками сердце.

— Многое, о чем тебе никогда не доводилось даже слышать, теперь придется делать, — спокойно ответил Амос. — И еще ты должен запомнить: если человек верит в тебя, в твое могущество, сделай все, чтобы не разочаровать его.

Амос оделся во все белое: на ногах белые торбаса, переходящие в белые камусовые меховые штаны, на исху-